

Экстремистский медиатекст: угроза насилия — определяющая*

Б. Я. Мисонжников

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26

Для цитирования: Мисонжников, Б. Я. (2019). Экстремистский медиатекст: угроза насилия — определяющая. *Медиалингвистика*, 6(2), 218–229. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.206>

Анализируется опыт проведения содержательно-лингвистической экспертизы медиатекста для установления нарушений российского законодательства. Задача статьи — рассмотреть способы установления экстремистской направленности медиатекстов. При этом подчеркивается, что значительные семантические изменения происходят в случае использования в публикациях мультимедийных средств, в том числе в социальных сетях. Идентифицировать содержание текста возможно в случае его адекватной интерпретации. Необходимость нахождения верных оснований для интерпретации фактически предполагает включение текстового фрагмента в так называемый лингвистический герменевтический круг. Экспертное лингвистическое исследование не может не учитывать возможной многоаспектности презентации контента, оно осуществляется при анализе семантики не только вербального текста, но и других семиотических компонентов. В связи с внедрением в медиапрактику мультимедийных систем в лингвоэкспертологии медийных текстов выявляется семантика всех текстовых материалов, размещенных в едином медийном пространстве и образующих совокупный семантический и психоэстетический комплекс. В ходе экспертизы учитывается, что соединение даже двух различных по своей текстовой природе материалов, например вербального и иконического, может усилить значение того или иного компонента, а может и полностью изменить семантику вновь образованного произведения. Не менее существенную роль в раскрытии семантической структуры текста может сыграть аудиокомпонент, в частности музыкальный.

Ключевые слова: медиатекст, лингвистическая экспертиза, мультимедиа, экстремизм.

Постановка проблемы. При экспертизе в области правоприменительной практики, проводимой с целью установления обстоятельств, связанных с экстремистской деятельностью, довольно часто объектом исследования становится медиатекст, транслируемый по радио- и телевизионным каналам, предоставляемый эксперту в виде аудио- и видеозаписи выступлений на общественных мероприятиях, в форме публичных обращений.

Креолизация существенно усложняет семантическую структуру текста, функционирующего в мультимедийной среде. При поликодовой репрезентации контента «объединение компонентов естественного языка и элементов иных семио-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности» № 19-013-00725.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

тических систем позволяет получить более четкое представление о намерениях адресанта и идее, зашифрованной в сообщении, способно регулировать его эмоциональность и ассоциативность его восприятия» [Максименко, Подрядова 2013: 33]. Современные мультимедийные системы обладают богатыми возможностями для манипулятивных действий, которые в отдельных случаях становятся противоправными, когда, например, приобретают экстремистскую направленность. Представляется, что раскрытие критериев обнаружения последней возможно в ходе широкого анализа эмпирического материала.

Для объективной идентификации содержания текста иногда требуется раскрыть как эксплицитно, так и имплицитно выраженные смыслы. Этому может помочь включение текстового фрагмента в лингвистический герменевтический круг, который называют «описанием онтологии понимания» [Недугова 2014: 99]. Эксперт должен учитывать многоплановость инструментария презентации контента в медиа, исследовать семантику не только вербального текста, но и других средств иной семиотической природы.

История вопроса. Судебная лингвистическая экспертиза востребована прежде всего в гражданском обществе. В постсоветский период шел активный процесс ее институционализации, что осложнялось практически отсутствием нормативных документов. Хотелось бы подчеркнуть, что в таких условиях лингвистическая экспертиза была делом не только сложным, но и опасным. «Последние годы отмечены небывалым ростом преступлений ненависти в России, — пишет о ситуации, сложившейся в конце прошлого и в начале нынешнего веков, профессор Я. И. Гилинский. — Газеты, специальные издания, милицейские сводки практически ежедневно сообщают о случаях нападения, избияния, убийства *фактически* по мотивам расовой, национальной ненависти... Летом 2004 г. в Петербурге был убит ученый и антифашист Николай Гиренко, выступавший экспертом...» [Гилинский 2017].

Н. М. Гиренко подготовил значительное количество лингвистических экспертиз, на основании которых была применена статья 282 УК РФ, и граждане, повинные в преступлениях ненависти, понесли наказание. В некоторых текстах, особенно сетевых изданий и социальных медиа, можно и в настоящее время найти оскорбления в адрес ученого. Заслугу Н. М. Гиренко трудно переоценить: он не только в сложнейший для страны период активно занимался лингвистической экспертизой, но и принял участие в разработке ее методологии.

С конца 1990-х годов стали появляться научные работы К. И. Бринева, Н. Д. Голева, И. А. Стернина и других, значимые, как показало время, для развития лингвоэкспертологии. Для целей нашего исследования представляются значимыми труды, посвященные проблемам языка вражды [Кроз, Ратинова 2007; Севортьян, Шароградская 2005], словесному экстремизму [Галяшина 2006], языковой экспрессии в контексте межэтнических и межконфессиональных конфликтов [Мисалимова 2009], провоцирующей роли уничижительных этнонимов [Ильина 2016] и, что особенно важно, теоретико-методологическим аспектам лингвоэкспертологии [Бринев 2009; Кузнецов, Оленников 2014].

Экспертная работа регулируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Закон нуждается в обновлении, что и планируется сделать. Но процесс идет слишком медленно. В 2017 г. представители экспертного сообще-

ства обсуждали этот вопрос на заседании круглого стола. В действующем законе было обнаружено много изъянов, что стало основанием для заявления о неготовности решения проблемы в данный момент. В частности, речь шла о «необходимости четко определить правовой статус судебного эксперта» [Представители экспертного сообщества].

Описание методики исследования. Теоретической основой исследования стали материалы публикаций в научной монографической и журнальной литературе, в сборниках научных трудов. В качестве эмпирического материала были привлечены публикации из периодической печати и сетевых изданий. Юридической основой исследования послужили законы Российской Федерации в области права, включая Конституцию страны. Полученные данные были отождествлены и обобщены с использованием общенаучных методов когнитивного и интерпретативного лингвистического анализа.

В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты проведения лингвистической экспертизы медиатекста, функционирующего в условиях мультимедийной среды, когда семантическая структура текста усложняется и порождаются новые смыслы. Немаловажную роль иногда играют аудиторные факторы, уровень развития общества, его социальная зрелость, готовность участвовать в коммуникативной акции и способность к проявлению интерактивности. Моносемiotическое текстовое образование, например вербальный или иконический текст, обуславливает возникновение интенционально однонаправленной семантической структуры, которая идентифицируется субъектом последовательно, и соотношение восприятия и понимания текста не слишком усложнено. Полисемiotическое текстовое образование существует как многоаспектный феномен, более сложный для восприятия, и в процессе его идентификации могут возникать совершенно непредсказуемые дискурсивные, понятийные и психоэстетические эффекты. Для подготовки лингвистических экспертных заключений данный факт может иметь принципиальное значение. Это требует внимательного отношения к формам презентации текстового материала, учета специфики его поликодовой организации.

Кроме того, если объектом лингвистической экспертизы становится медиaproduct, необходимо принять во внимание и то, что ему, в частности, свойственны «особый тип и характер информации», «вторичность текста», «*смысловая незавершенность*», специфический характер массмедийной интертекстуальности, открытость для многочисленных интерпретаций», «производство “на поток”», одноразовость, невозпроизводимость», «полиинтенциональность» и другие черты [Казак 2014: 67–68]. Таким образом, следует учитывать и модель презентации текста, канал, по которому осуществляется его трансляция.

Анализ материала. Лингвистическая экспертиза текстового произведения проводится в случае возникновения предположения, что содержание материала носит криминальный характер. Но здесь возникает некая антиномия: с одной стороны, в статье 29 Конституции РФ гарантируется свобода мысли и слова, а с другой стороны, именно за «мысли и слова», правда, соответствующего содержания, а именно экстремистского, на основании статьи 282 УК РФ были осуждены люди по экспертным заключениям Н. М. Гиренко и других ученых. В связи с этим особый интерес представляет собой статья, в которой подчеркивается: «Свобода слова либо есть, либо ее нет, рассуждения о допустимости тех или иных позиций

и убеждений являются субъективными и вторичными по отношению к свободе слова. Преследование тех или иных текстов, идей, высказываний, изображений как экстремистских невозможно без ограничения прав и свобод, имеющих в Конституции РФ» [Мартьянов, Фишман 2008]. По мнению авторов, однозначно устраняются любые препятствия для любых текстовых деклараций, и необходимость в лингвистической экспертизе, задача которой — установить в тексте прежде всего наличие признаков экстремизма, отпадает сама собой. Но в этом случае отпадает необходимость в применении статьи 282 УК РФ. К чему это может привести, рассуждает депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Б. Л. Вишневский: «Но представим себе, что мечта сбылась — не стало статьи 282. И что? <...> Что после этого делать с российскими неофашистами? <...> Надо требовать не отмены 282-й статьи, а изменения правоприменительной практики» [Вишневский 2010]. С таким выводом трудно не согласиться. Люди, чувствительные к критике и наделенные властью, пытаются именно за критику покарать субъекта критического высказывания, что недопустимо. В то же время иногда бывает непросто правильно идентифицировать семантику высказывания, так как «разграничение критики и экстремистских высказываний представляет сегодня особую трудность для правоприменителя, нередко порождая ошибки как у российских, так и у зарубежных экспертов» [Галышина 2018: 34].

Несмотря на то что могут быть преступления без потерпевшего, в данном случае в качестве критерия совершения преступления следует рассматривать наличие жертвы. Это может быть конкретный индивид, а также «жертвой в понимании ее с позиций криминологической (криминальной) виктимологии может быть и общность людей, но лишь в определенной форме их интеграции, обуславливающей наличие аддитивной виктимности» [Ривман 2004: 194]. Жертве может быть причинен вред физический, моральный или материальный, причем даже моральный имеет как следствие долгосрочные психологические реакции, в частности пониженную самооценку, депрессии, ощущение тревоги и т. д. Принимая во внимание, что поводов для проведения лингвистической экспертизы может быть большое количество, подчеркнем, что львиную часть из них составляют случаи, в которых требуется доказать факт нарушения требований пункта 2 статьи 29 Конституции РФ о недопущении пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

На этом положении Конституции зиждется, собственно, и статья 282 УК РФ, которая карает за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет», и, кроме этого, за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично».

В Сети на конвенциональном уровне предпринимаются попытки речевого этического регулирования, но они далеко не идеальны, и можно «сделать вывод о достаточно разработанной системе не только нетикета, но и антинетикета, связанного с намеренной деструкцией интеракции» [Спиридонова, Третьякова 2012: 171].

В связи с этим возникает необходимость идентификации текстов с установлением наличия указанных выше признаков, причем зачастую сделать это оказывается сложно по причине нечеткости экспликации авторской позиции. Так, в диалоге, зафиксированном мультимедийными средствами, могут иметь место лакуны, о чем, в частности, сообщается: «Основные трудности в установлении предметной ситуации возникают при имплицитном способе передачи информации в речи коммуникантов. Одним из таких способов является элиминация, то есть пропуск или сознательное исключение из речи слов и выражений, обладающих информационной значимостью в том или ином контексте» [Дайлоф 2016: 100]. В этом и других подобных случаях следует особенно внимательно относиться к условиям, в которых осуществляется коммуникация, учитывать контекст. Так, петербургская газета воспроизвела скриншот публикации газеты «Иркутск», в которой кандидат в депутаты городской Думы позволил себе высказывание, содержащее призыв к совершению агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных на человека в связи с его национальной и языковой принадлежностью (Метро. 2014. 9 сент.). Он заявляет: «Уверен, что хохлов нужно, как говорится, “мочить” везде, не только в Новороссии». Согласно «Словарю русского арго», слово «мочить» означает «бить, избивать» (russian_argo.academic.ru), а по трактовке «Словаря воровского жаргона» — «убить» (<http://enc-dic.com/thief/M/3.html>). Контекст высказывания позволяет, вне всякого сомнения, сделать вывод о том, что данное слово используется именно в этом значении. Следовательно, кандидат в депутаты был уверен в том, что «хохлов» (а именно украинцев, людей другой национальности, имеющих другой язык) нужно «убивать». С «кандидатом» все было ясно, однако у правоохранительных органов появилось предположение, что газета «Метро», публикуя скриншот, занялась распространением текста с экстремистским содержанием. Пришлось доказывать, что редакция петербургского издания, наоборот, осудила националистическое высказывание кандидата в депутаты городской Думы Иркутска.

Существуют делинквентные медийные тексты, не содержащие признаков уголовно наказуемых преступлений, но в погоне за псевдооригинальностью и дешевым стремлением продемонстрировать автором свое остроумие грубо искажающие действительность, эпатазирующие общество, чем наносят существенный урон социуму, поскольку «эпатажность приводит к деформации журналистской картины мира. <...> Но остроумие, направленное на травестирование всего и вся, скандальное, грубое нарушение норм публичного общения, коверкает процесс восприятия, вводит в заблуждение. Этим искажается и вульгаризируется картина мира, создаваемая журналистами. Причем в условиях “журнализации” общества она усваивается читателями вместе с языком» [Дускаева, Карпова 2009: 261, 265].

Авторы медийных выступлений ради «красного словца» охотно прибегают к эмоционально-экспрессивной лексике, и среди особо «сильных» высказываний часто появляется, в частности, концепт «убийство», создавая соответствующий общий семантический и психоэстетический план, которому свойственны красноречивый и вместе с тем негативистский характер реализации. Эта лексема

не всегда оправданно выносятся в заголовочные комплексы, не говоря уже о довольно активном ее использовании в процессе общего текстопостроения. К концепту «убийство» примыкают родственные по содержанию фреймы, воссоздавая ментальную картину, порой гнетущую и мрачную от безысходности. Так, в одном номере газеты представлены заголовки «Пациент пришел в клинику с пистолетом», «Убивая Еву» (Метро. 2018. 26 дек.). Концепт «убийство» имеет сложнейший архетипический код, отражает важнейшую дихотомию «жизнь — смерть», чем, кстати сказать, во многом и объясняется привлекательность его перцептивного действия и способность к суггестированию. Будучи репрезентантом физического посягательства на жизнь человека, само понятие убийства и поступки, представленные лексическими дериватами, считаются морально осуждаемыми и юридически наказуемыми. Дело порой доходит до особенно злого и циничного нарушения норм лингвоэтики, и «безжалостно-равнодушную трактовку смерти: “мокрое дело” в мокром месте (об убийстве директора одной из бань); ёрническое поминовение моряков подводной лодки “Курск”: за тех, кто в море — оставим без комментариев» [Бессарабова 2011: 59].

В этом ряду следует рассматривать и многие другие факты незкетного речевого поведения, которые причиняют ущерб как в лингвокультурологическом, так и в многоплановом гуманитарном отношении. В частности, «такая группа явлений может быть терминирована **лингвотоксинами**. <...> Вульгарными могут быть и лингвоцинизмы — слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или группового мышления (мировоззрения)» [Сковородников, Копнина 2017: 29, 30]. В перечне языковых факторов, значительных культурологических негативов, являющихся лингвоперверсивными по своей сути, стоит отметить и случаи дисфемизации речи, что «особенно наглядно демонстрируют социальные сети в Интернете» [Кваскова 2016: 354]. Среди негативов медийного пространства необходимо отметить и диффамационные высказывания, которые в лингвопрагматическом отношении могут и не носить эксплицитно дерзкого перверсивного характера, даже отличаться внешней пристойностью, но по сути своей они носят разрушительный характер для общества, и «хотя можно утверждать, что семантическая диффамация суть действие, совершаемое посредством языка/речи, тем не менее это действие социально окрашено и обладает свойствами естественно-языковых социальных практик, используемых в обществе» [Уткин 2011: 10]. В некоторых случаях, если, например, диффамационные высказывания сопряжены со злой клеветой в публичном дискурсе, может наступать уголовная ответственность.

Подобные речевые факторы отрицательно воздействуют на языковую картину мира, наносят значительный вред в отношении лингвокультурологического моделирования современного медийного пространства, зачастую представляют собой проявления вызывающего и откровенно делинквентного речевого поведения. В то же время они не считаются криминальными. В этих случаях только иногда может происходить криминализация поступка субъекта. И задача лингвистической экспертизы — определить ту грань, которая отделяет проявления грубого, оскорбительного и непристойного, но уголовно ненаказуемого содержания текста от того содержания, которое предстает как экстремистское, демонстрирует явные признаки девиантного поведения автора или распространителя, нарушающих закон.

Справедливо суждение о том, что «в журналистском, рекламном, политическом тексте может нарушаться норма не стилистическая (в конечном счете вкусовая, при всей ее экстралингвистической обусловленности), а юридическая — а это уже совершенно другая степень ответственности, другая мера наказания для автора и/или издания» [Кара-Мурза 2018: 104].

В последние годы вследствие активного применения мультимедийных систем значительно усложнилась и расширилась семиотическая структура текста и соответственно его феноменология. Даже медиа на бумажных носителях обладают исключительно сложной системой текстовой организации и презентации, и текст печатного издания «оказывается интегрированным с другими коммуникативными системами, становится активно действующей частью единого мультимедийного комплекса» [Мисонжников 2001: 14]. Тексты на современных электронных носителях практически не имеют ограничений в своей модификации и формах презентации. В обществе, в котором отсутствует цензура, у пользователей мультимедийных систем появляются очень большие возможности для выражения своих позиций, которые не всегда отвечают нормам закона.

Применение инновационных технологий потребовало от пользователей и экспертов понимания специфики новых методов текстуализации и (может быть, самое главное) умения идентифицировать семантику выступлений. В связи с этим нельзя не признать важности следующего высказывания: «Следует обратить особое внимание на тексты, опубликованные в сети Интернет на интерактивных сервисах: блоги, твиттер, ЖЖ и др. В качестве исследуемых объектов в таких случаях выступают записи, которые имеют не только текстовую (линейная последовательность букв), но и гипертекстовую структуру, то есть являются репликами письменного диалога, который в электронных документах оформляется с помощью гиперссылок. Поэтому исследуемые объекты необходимо анализировать не только по их бумажным копиям, но и в виде электронных документов, в их естественном интернет-контексте, часть которого в виде гиперссылок отражена на бумажных копиях, но по ним всесторонне не может быть изучена» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011: 31].

Вообще использование поликодовых текстовых систем предполагает достаточно высокий уровень профессионального понимания аспектов лингвопрагматики и семантики. Пренебрежительное отношение к этой стороне медийной практики чревато опасностью проявления «неумышленного» экстремизма. Так, на первой полосе газеты, выходящей многотысячным тиражом, в день празднования Нового года по восточному календарю опубликовали фотографию девочки и женщины явно восточной внешности, что само по себе явление обычное. Но в пространстве этой же фотографии поместили клишированный заголовок: «Желтая свинья везде найдет себе друзей». Кегль шрифта — 36 пунктов, причем использовали инверсию: белые буквы на красном насыщенном фоне. Произошло соединение семантики вербального текста и семантики иконического. Сами по себе они нейтральны по своему значению, но в результате объединения породили совершенно нежелательный оскорбительный смысл, поскольку «желтый» ассоциируется с определенным этнонимом (Метро. 2019. 5 февр.).

Если этот случай можно считать непреднамеренным, хотя и очевиден профессиональный просчет ответственных за полосу сотрудников редакции, то неред-

ко авторы публикаций действуют умышленно и специально стараются добиться нужного им эффекта. Так, на портале ИА REGNUM было опубликовано интервью Сергея Гуркина с нобелевским лауреатом Светланой Алексиевич [Гуркин 2017]. Ответы лауреата хотя и не содержали явных признаков экстремизма, вызвали справедливое, как стоит полагать, негодование и чувство протеста у многих читателей. И журналист, и лауреат высказали свое мнение, на что имеют, безусловно, полное право. Свое мнение высказали и читатели. Идентичность текста интервью не подлежит сомнению и никем не оспаривается, так как имеется аудиозапись диалога, сделанная с согласия лауреата. Ситуация в принципе банальная, но редакция информационного агентства решила более активно проявить свое к ней отношение: был опубликован обзор читательских откликов с подзаголовком «Как одно интервью сняло нобелевскую маску лицемерия и показало звериный русофобский оскал. Обзор блогосферы» [Баранчик 2017]. Что ж, и это терпимо, несмотря на крайне высокий уровень экспрессивности высказывания. Но дальше редакция решила усилить впечатление добавлением иконографического материала: ниже подзаголовка о «маске лицемерия» была воспроизведена фотография настоящей маски со зловещим выражением. Представители Алексиевич обратились в Общественную коллегию по жалобам на прессу, высказав претензии и в связи с тем, что почти в каждом последующем обзоре «писательницу называют “руссофобом”, прямо или косвенно (публикуя тут же фото женщин, поднявших руку в нацистском приветствии) обвиняют в нацизме» [Шайхитдинова 2018: 51]. Как видим, добавление в общее семантическое пространство, в котором уже присутствует и доминирует вербальный текст, сообщения с другим семиотическим кодом значительно усиливает семантический и даже психоэстетический эффект. Это может послужить основанием и для обращения в суд.

Визуальные ресурсы оказывают порой решающее влияние на семантику медиатекста. Рассмотрим сайт «Славянская сила — Nord West Peterburg» (<https://vk.com/club60982278>). Иконический материал в нем, доминируя по политико-идеологическому и психоэстетическому факторам, создает особое семантическое поле, в котором содержится апологетика расового превосходства и культа силы, манифестируются элементы политического менасива по отношению к инакомыслящим. Среди легко узнаваемой символики, в частности на фотографиях, двойная руна «зиг» и руки, поднятые в нацистском приветствии. Среди изображений присутствует и символика, графически напоминающая нацистскую по структурному и цветовому решению, но весьма трудно идентифицируемую в отношении экстремистской принадлежности. Шрифтовая графика представлена псевдоготикой, аллюзийно напоминающей немецкую фрактуру: известно, что в гитлеровской Германии такой шрифт использовался в нацистской пропаганде. Мультимедийные возможности сайта позволили здесь же опубликовать песни соответствующего содержания — «Меч ария», «Звери войны». На не имеющих жизненного опыта молодых людей вся эта совокупная поликодовая текстовая системность, исполненная псевдоромантикой, может произвести значительное воздействие.

Результаты исследования. Таким образом, были изучены некоторые важные аспекты лингвоэкспертологии, проведена грань между разными проявлениями агрессивного и противоправного речевого поведения и рассмотрены возможные факторы воздействия текстовых поликодовых систем. На примере медийных прак-

тик было доказано, что вследствие интеграции разных семиотических образований может значительно меняться семантика медиапроизведения, а это имеет особенно существенное значение в лингвистической экспертной деятельности. Мы попытались определить критерии, по которым могут идентифицироваться медийные тексты, обладающие агрессивностью, но не являющиеся экстремистскими. И, кроме того, выделили критерии текстов экстремистской направленности, которые могут образовываться вследствие манипуляций с мультимедийными ресурсами.

Выводы. Необходимо подчеркнуть, что в лингвоэкспертологии в настоящее время следует на равных учитывать семантику всех текстовых материалов, размещенных в едином медийном пространстве и образующих совокупный семантический и психоэстетический комплекс. Соединение даже двух различных по своей текстовой природе материалов, например вербального и иконического, может усилить значение того или иного компонента, а может и полностью изменить семантику вновь образованного произведения. Особенно сильный эффект может быть обусловлен интеграцией в семиотическую систему аудиокомпонента, в частности музыкального.

Лишь учет всех компонентов, создающих текст, дает возможность объективно идентифицировать «угрозу насилия», что является в принципе определяющим для обвинения субъекта экстремистской деятельности. В России, как и в других странах, например в США, не допускается «уголовной ответственности за экстремистские речевые действия, если при этом не возникает «неминуемой угрозы насилия»» [Мехонина 2014: 196]. Действительно, именно фактор насилия, речевого или физического, совершаемого против граждан, является определяющим.

Литература

- Баранчик, Ю. (2017). Убивать за убеждения допустимо?! Алексиевич уничтожила свою репутацию. Электронный ресурс <https://regnum.ru/news/polit/2290622.html>.
- Бессарабова, Н. Д. (2011). Лингвоэтика, или Еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы. *Журналистика и культура русской речи*, 2, 54–63.
- Бринев, К. И. (2009). *Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза*. Барнаул: АлтГПА.
- Валгина, Н. С. (2003). *Теория текста*. Москва: Логос.
- Вишневский, Б. Л. (2010). Отмена 282-й — подарок для фашистов. Электронный ресурс https://echo.msk.ru/blog/boris_vis/726411-echo/_=-.
- Галяшина, Е. И. (2006). *Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам*. Москва: Юридический Мир.
- Галяшина, Е. И. (2018). Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения. *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 7, 25–41.
- Гилинский, Я. И. (2017). Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Электронный ресурс <https://books.google.ru/books?id=tTIFCwAAQBAJ&pg=PT267&lpg=PT267&dq>.
- Гуркин, С. (2017). «Вы просто набор пропаганды»: запрещенное и откровенное интервью Алексиевич. Электронный ресурс <https://regnum.ru/news/society/2290056.html>.
- Дайлоф, Е. Л. (2016). Установление предметной ситуации разговора при наличии элиминации предмета речи (в контексте судебной лингвистической экспертизы). *Юрислингвистика*, 5, 96–108.
- Дускаева, Л. Р., Карпова, Т. Б. (2009). Речевой эпатаж современных российских СМИ: функциональное и дисфункциональное. В Л. Р. Дускаева (Ред.). *Этика речевого поведения российского журналиста* (с. 243–267). Санкт-Петербург: Астерион.
- Ильина, О. К. (2016). Язык и национальная безопасность: в чем суть проблемы, каково ее решение? Электронный ресурс <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/76-2016-04-30-14-53-51/461----q-----q.html>.

- Казак, М. Ю. (2014). Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии. *Медиалингвистика*, 1(4), 65–76.
- Кара-Мурза, Е. С. (2018). Речевые преступления в массмедиа. В Л. Р. Дускаева (Ред.). *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* (с. 101–195). Москва: Флинта.
- Кваскова, Л. В. (2016). Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе. *Преподаватель XXI век*, 3, 352–357.
- Кроз, М., Рагинова, Н. (2007). От языка вражды к возбуждению ненависти: проблемы судебно-экспертной оценки ксенофобских материалов СМИ. В А. Верховский (Ред.). *Язык вражды против общества*: сб. статей (с. 226–247). Москва: Центр «Сова».
- Кузнецов, С. А., Оленников, С. М. (2014). *Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издат. дом В. Ема.
- Кукушкина, О. В., Сафонова, Ю. А., Секераж, Т. Н. (2011). *Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму*. Москва: Мин-во юстиции РФ; Российский федеральный центр судебной экспертизы при Мин-ве юстиции РФ.
- Максименко, О. И., Подрядова, В. В. (2013). Поликодовый музыкальный поэтический дискурс. *Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика*, 4, 27–37.
- Мартьянов, В., Фишман, Л. (2008). Быть свободным или «бороться с экстремизмом»? Электронный ресурс http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/11/ma10.html.
- Мехонина, Е. Н. (2014). Выражение враждебности в киберпространстве России, Великобритании и США: этические и правовые ограничения. В Л. Р. Дускаева (Ред.). *Медиалингвистика. Выпуск 3. Речевые жанры и массмедиа*: сб. статей (с. 193–196). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Мисалимова, П. Д. (2009). Национально-этнические конфликты в России конца 1980-х годов. В В. З. Гарифуллин, Р. П. Баканов (Ред.). *Информационное поле современной России: практики и эффекты*. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 22–24 октября 2009 г. (с. 51–55). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та.
- Мисонжников, Б. Я. (2001). *Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания)*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Недугова, И. А. (2014). Герменевтический круг как подход к анализу культуры. *Альманах современной науки и образования*, 11(89), 98–101.
- Представители экспертного сообщества призвали не спешить с принятием нового закона о судебной экспертизе [Web-страница]. (6/д). Электронный ресурс <http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/04/03/1604157.html>.
- Ривман, Д. В. (2004). К вопросу о содержании понятий «жертва» и «потерпевший» в виктимологии. В С. М. Климов, А. И. Муравьев, М. В. Ежов, Ю. А. Денисов, В. В. Случевский (Ред.). *Ученые записки. Юбилейный выпуск* (с. 191–196). Санкт-Петербург: ИВЭСЭП; Знание.
- Севортьян, А. Р., Шароградская, А. А. (2005). *Освещение этнического многообразия*. Москва: Центр развития демократии и прав человека.
- Сковородников, А. П., Копнина, Г. А. (2017). Лингвотоксичные явления в речи и языке. *Мир русского слова*, 3, 28–32.
- Спиридонова, В. А., Третьякова, Т. П. (2012). К вопросу о неэтикетном речевом поведении в электронном дискурсе. *Вестник СПбГУ. Серия 9*, 3, 168–171.
- Уткин, Ю. Ю. (2011). *Специфика семантической диффамации в правовых текстах СМИ (на материале тверских региональных печатных изданий)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Шайхитдинова, С. К. (2018). Журналист в дискурсе СМИ: детерминация или позиция? (На примере информационного спора вокруг интервью Сергея Гуркина и Светланы Алексиевич). *Вопросы журналистики*, 3, 48–59.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2019 г.;
рекомендована в печать 21 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Мисонжников Борис Яковлевич — д-р филол. наук, проф.; bmiss20550@mail.ru

Extremist media text: the threat of violence — the defining

B. Ya. Misonzhnikov

St. Petersburg State University,
26, 1-ia liniia V.O., St. Petersburg, 199004, Russian Federation

For citation: Misonzhnikov, B. Ya. (2019). Extremist media text: the threat of violence — the defining. *Media Linguistics*, 6(2), 218–229. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.206> (In Russian)

The article deals with the problem of linguistic examination of the media text in order to establish the circumstances and the fact of violation of the Russian legislation. It is emphasized that significant semantic changes occur with the complication of the textualization process, when using multimedia tools, especially in social networks. It is possible to identify the content of the text due to its adequate interpretation and finding the right grounds for its understanding, which actually involves the inclusion of a text fragment in the so-called linguistic hermeneutic circle. The expert linguistic conclusion cannot fail to take into account the possible multidimensionality of the presentation of content, it should represent the result of the study not only of the semantics of the verbal text but also of other semiotic complexes that may be extra-linguistic in nature. In the post-Soviet years began to appear scientific work, which is of great importance for the development of lingvo-expert studies. These are works devoted to the problems of hate speech, verbal extremism, language expression in the context of interethnic and interfaith conflicts and the provocative role of derogatory ethnonyms. At present, when multimedia systems are being actively introduced into media practice, the semantics of all textual materials placed in a single media space and forming an aggregate semantic and psycho-aesthetic complex should be taken into account. Combining even two materials that are different in their textual nature, for example, verbal and iconic, can enhance the meaning of one or another component, or it can completely change the semantics of a newly formed work. A particularly strong effect may be due to the integration of the audio component, in particular, the musical component, into the semiotic system.

Keywords: media text, linguistic expertise, multimedia, extremism.

References

- Baranchik, Iu. (2017). Is it permissible to kill for belief?! Alekseyevich destroyed her reputation. Retrieved from <https://regnum.ru/news/polit/2290622.html>. (In Russian)
- Bessarabova, N. D. (2011). Lingvoetika, or once again about the ethical aspect of the culture of speech of modern media and advertising. *Zhurnalistika i kul'tura russkoi rechi*, 2, 54–63. (In Russian)
- Brinev, K. I. (2009). *Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise*. Barnaul: AltGPA. (In Russian)
- Dailof, E. L. (2016). The establishment of the subject situation of the conversation in the presence of the elimination of the subject of speech (in the context of judicial linguistic expertise). *Iurisljngvistika*, 5, 96–108. (In Russian)
- Duskaeva, L. R., Karpova, T. B. (2009). The speech epatage of the modern Russian media: functional and dysfunctional. In L. R. Duskaeva (Ed.). *Etika rechevogo povedeniia rossiiskogo zhurnalista*. Collection of papers (pp. 243–267). Saint-Petersburg: Asterion. (In Russian)
- Galiashina, E. I. (2006). *Linguistics vs. extremism: To help judges, investigators, experts*. Moscow: Iuridicheskii Mir. (In Russian)
- Galiashina, E. I. (2018). Examination of extremist materials: problems of methodological and informational support. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGIU)*, 7, 25–41. (In Russian)
- Gilinskii, Ia. I. (2017). Criminology. Theory, history, empirical base, social control. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=tTIFCwAAQBAJ&pg=PT267&lpg=PT267&dq>. (In Russian)
- Gurkin, S. (2017). “You are just a set of propaganda”: the forbidden and frank interview Alekseyevich. Retrieved from <https://regnum.ru/news/society/2290056.html>. (In Russian)
- Il'ina, O. K. (2016). Language and national security: what is the essence of the problem, what is its solution? Retrieved from <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/76-2016-04-30-14-53-51/461----q-----q.html>. (In Russian)

- Kara-Murza E. S. (2018). Speech crimes in the mass media. In L. R. Duskaeva. (Ed.). *Medialingvistika v terminiakh i poniatiakh: slovar'-spravochnik*. Collection of papers (pp. 101–195). Moscow: Flinta. (In Russian)
- Kazak, M. Iu. (2014). Modern media texts: problems of identification, delimitation, typology. *Medialingvistika*, 1(4), 65–76. (In Russian)
- Kroz, M., Ratinova, N. (2007). From the language of hostility to incitement of hatred: problems of forensic expert evaluation of xenophobic media materials. In A. Verkhovsky (Ed.). *Iazyk vrazhdy protiv obshchestva*. Collection of papers (pp. 226–247). Moscow: Tsentr «Sova». (In Russian)
- Kukushkina, O. V., Safonova, Iu. A., Sekerazh, T. N. (2011). *Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic examination of texts in cases involving countering extremism*. Moscow: Ministry of Justice of the Russian Federation; Russian Federal Center of Forensic Expertise at the Ministry of Justice of the Russian Federation. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A., Olennikov, S. M. (2014). *Expert research in cases of the recognition of informational materials extremist: theoretical foundations and methodological guidance*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skii dom V. Ema. (In Russian)
- Kvaskova, L. V. (2016). Dysphemization of speech as a communicative tactic in discourse. *Prepodavatel XXI vek*, 3, 352–357. (In Russian)
- Maksimenko, O. I., Podriadova, V. V. (2013). Polycode Music Poetic Discourse. *Vestnik RUDN. Ser. Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 4, 27–37. (In Russian)
- Mart'ianov, V.; Fishman, L. (2008). To be free or “fight extremism”? Retrieved from http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/11/ma10.html. (In Russian)
- Mekhonina, E. N. (2014). Expression of hostility in the cyberspace of Russia, Great Britain and the USA: ethical and legal limitations. In L. R. Duskaeva (Ed.). *Medialingvistika. Vypusk 3. Rechevye zhanry i massmedia*. Collection of papers (pp. 193–196). Saint-Petersburg: St. Petersburg University, Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications. (In Russian)
- Misalimova, P. D. (2009). National-ethnic conflicts in Russia at the end of the 1980s. In V. Z. Garifullin, R. P. Bakanov (Eds.). *Informatsionnoe pole sovremennoi Rossii: praktiki i efekty*. Materials of the Sixth International. scientific-practical conf. October 22–24. Collection of papers (pp. 51–55). Kazan: Kazan publishing house. state University. (In Russian)
- Misonzhnikov, B. Ya. (2001). *Phenomenology of the text (the ratio of content and formal structures of the printed edition)*. Saint-Petersburg: Publishing house of Saint-Petersburg University. (In Russian)
- Nedugova, I. A. (2014). Hermeneutic Circle as an Approach to the Analysis of Culture. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 11(89), 98–101. (In Russian)
- Representatives of the expert community urged not to hurry with the adoption of a new law on forensic examination [Web page]. (n.d.). Retrieved from <http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/04/03/1604157.html>. (In Russian)
- Rivman, D. V. (2004). On the question of the content of the concepts “victim” and “victim” in victimology. In S. M. Klimov, A. I. Murav'ev, M. V. Ezhov, Iu. A. Denisov, V. V. Sluchevskii (Eds.). *Uchenye zapiski. Iubileinyi vypusk*. Collection of papers (pp. 191–196). Saint-Petersburg: IVESEP, Znanie. (In Russian)
- Sevort'ian, A. R., Sharogradskaiia, A. A. (2005). *Illumination of ethnic diversity*. Moscow: Center for the Development of Democracy and Human Rights. (In Russian)
- Shaikhitdinova, S. K. (2018). Journalist in the media discourse: determination or position? (On the example of the information dispute around the interviews of Sergey Gurkin and Svetlana Aleksievich. *Voprosy zhurnalistiki*, 3, 48–59. (In Russian)
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2017). Linguo-toxic phenomena in speech and language. *Mir russkogo slova*, 3, 28–32. (In Russian)
- Spiridonova, V. A., Tret'iakova, T. P. (2012). On the issue of unethical speech behavior in electronic discourse. *Vestnik SPbSU. Series 9*, 3, 168–171. (In Russian)
- Utkin, Iu. Iu. (2011). *Specificity of semantic defamation in legal texts of mass media (on the material of Tver regional print media)*. PhD thesis abstract. Tver. (In Russian)
- Valgina, N. S. (2003). *Theory of the text*. Moscow: Logos. (In Russian)
- Vishnevskii, B. L. (2010). Cancel the 282nd — a gift for the Nazis. Retrieved from https://echo.msk.ru/blog/boris_vis/726411-echo/_=_. (In Russian)

Received: February 10, 2019

Accepted: February 21, 2019

Author's information:

Boris Ya. Misonzhnikov — Dr. Sci. in Philology, Professor; bmiss20550@mail.ru